

УДК 340.11

А. А. Ивакин

**БЫТЬ — ЭТО ЗНАЧИТ, ПОСТОЯННО ИЗМЕНЯЯСЬ,
ВСЕ БОЛЕЕ СТАНОВИТЬСЯ САМИМ СОБОЮ**

Итак, в жизни самое полезное — совершенствовать свой интеллект или разум, насколько мы можем, и в этом одном заключается для человека наивысшее счастье или блаженство.

Бенедикт де Спиноза

О чем беседуют, о чем размышляли и продолжают размышлять современные и древние философы? Да, в общем-то, — об одном и том же: о том, что такое бытие — как мира в целом, так и человека, живущего в этом Мире.

Поскольку бытие подразумевает устойчивость, закономерность, то есть некоторую регулярность, правильность, то философия стремится к тому, чтобы выяснить эти правила бытия и понять, каким образом их следует соблюдать. Подлинные философы всегда стремились помочь и себе, и другим людям правильно мыслить и на основании такого мышления — правильно, мудро жить.

Людям важна и интересна устойчивость самого дорогого и ценного, то есть того, что обеспечивает им жизнь, и — не просто жизнь, человеку этого мало, но — жизнь благу, базирующуюся на основных этических принципах ее стабильности и знании смысла своего личного и общинного присутствия в мире. Сохранение бытия различных сторон такой жизни всегда входило в круг забот людей. Для древних греков наверняка одной из важнейших забот была забота о сохранении их цивилизации. Отсюда и весь настрой платоновской философии с ее поиском идеально устроенного и поэтому — прочного государства и понимания того, что лежит в основе этой прочности — вечного и неизменного мира идей, поддерживающего бытие мира бранных вещей.

Главным требованием всех нравственных, религиозных и юридических законов было и есть: сохранять качество (стабильность, устойчивость) человеческого бытия. Миросберегающие ценности... Их поиски человеком и были одним из важнейших субъективных усилий, которые стимулировали возникновение философии. Впрочем, и сама философия, и то, исследованием чего она стала заниматься, а именно — истинное мышление о бытии, — тоже доказали со временем свою чрезвычайную ценность.

В связи со всем тем, что было сказано, весьма странным кажется мнение Аристотеля, согласно которому люди философствовать начали «не ради какой-нибудь пользы» и философия существует только «ради самой себя» [1, 69], то есть она бесполезна в практической жизни. На самом деле это не так, и философия очень нужна человеку и, прежде всего, для того, чтобы найти средства и способы сохранения и приумножения человеческих ценностей. Уж не в пику ли своему учителю Платону сделал Аристотель такое свое заявление? Ведь тот-то как раз считал, что правителями идеально, разумно устроенного госу-

дарства должны быть именно и только философы. При этом важно подчеркнуть, что главный аргумент для обоснования структуры и функций такого государства Платон ищет в логике устройства Космоса, тем самым следуя призыву Гераклита к людям слышать Логос и следовать его повелениям.

Интересно то, что эта важная мудрость имплицитно, в «свернутом виде» уже содержится в изречении одного из отцов европейской философии — Анаксимандра, то есть задолго до Гераклита. В известной работе Г. Дильса «Фрагменты досократиков», это единственно дошедшее до нас изречение Анаксимандра, дано в следующем переводе: «Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идет по необходимости; ибо они платят друг другу взыскание и пени за свое бесчинство после установленного срока».

Однако заинтересовавшийся этим изречением М. Хайдеггер категорически утверждает, что в греческом первоисточнике текста Анаксимандра ни о каком платеже, ни о каких пенях ни в прямом, ни в переносном смысле речи не идет. И вообще, ни один из вариантов дословного перевода не устраивает М. Хайдеггера. Присоединяясь к высказанному в философской литературе мнению, что только вторая часть высказывания действительно принадлежит Анаксимандру, а первая — это уже слова Аристотеля, не очень правильно понявшего данное изречение, Хайдеггер, во-первых, полагает, что употребление слова «вещи» не схватывает точно того предмета, о котором говорит Анаксимандр. Речь, по его мнению, у Анаксимандра идет о сущем в целом, которому принадлежат и люди, и произведенные людьми вещи, установления и т.д. [2, 35–36]. Во-вторых, Хайдеггер считает необходимым вместо употребленных Аристотелем слов «происхождение» и «пропадание» применить выражения «вы-ступление из сокровенного» и «от-хождение в сокровенное» [2, 44], а затем дает свой вариант перевода первой части изречения: «Промедлительно присутствующее присутствует, поскольку оно медлит, медля про-ис-ходит и от-ходит» [2, 56].

Вторую часть высказывания Анаксимандра Хайдеггер также переводит по-своему: «...вдоль употребления: а именно, они придают чин и тем самым также угоду одно одному (в преодолении) бесчинства» [2, 67].

Итак, можно видеть, что как в традиционном, так и в хайдеггеровском переводах речь идет о некоем фундаментальном, системообразующем противоречивом отношении — отношении между беспредельным (апейроном), с одной стороны, и каждым определенным, отдельным проявлением сущего, с другой стороны. При этом данное противоречие осуществляется через отношение одного «отдельного» со многими «отдельными».

Но если в традиционных переводах изречения Анаксимандра акцент ставится на борьбе (штраф, пеня, несправедливость) как механизме возникновения и исчезновения, то в переводе М. Хайдеггера просматривается механизм согласования и гармонизации «отдельных» (придают «чин» и «угоду» друг другу) в некое сообщество, в систему. И всем хорошо известно, что оба эти способа соотношения вещей отнюдь не исключают один другого, а сосуществуют и взаимодействуют.

Зададим себе вопрос: почему древние и современные философы так заинтересовались рассмотренным выше фрагментом из, увы, потерянных для нас сочинений Анаксимандра? Наверное, потому, что в нем впервые была поднята важнейшая тема диалектики бытия и небытия, жизни и смерти людей и вещей.

Нам представляется, что наиболее близок Анаксимандру в способе решения этой темы Арнольд Дж. Тойнби. Он эту тему выражает в очень ёмкой формуле «Вызов-и-Ответ», считая, что именно в ней выражен источник возникновения, расцвета и гибели человеческих цивилизаций [3, 85, 119–120]. При этом совершенно очевидно, что в данной его формуле выражен не один лишь социальный, а универсальный закон бытия: ведь любая система, оказавшись под угрозой своему существованию воздействием (извне или изнутри), вынуждена как-то реагировать, в чем-то изменяться, в результате чего она либо находит достойный ответ на это дестабилизирующее воздействие, либо — нет. Достойный ответ приводит к упрочению ее существования и даже — к подъему на более высокий по своей организации уровень. Тогда как отсутствие такого эффективного ответа с неизбежностью приводит к тому, что данная система либо исчезает, либо теряет былую энергетику и самостоятельность.

Такая способность системы смягчать или гасить неблагоприятное и использовать благоприятное воздействие на нее извне — лежит и в истоке происхождения и функционирования мышления. В стремлении к достижению все более и более идеального единства с окружающей действительностью развивается все более и более идеальный, то есть адекватный и эффективный, способ отражения как неотъемлемого свойства всего сущего. Сверхзадача любой системы: так «вобрать», воспринять в себя окружающую среду, чтобы оказаться разумно устроенной, а значит, по Гегелю, — действительной.

Умение вещи вбирать в себя окружающий ее мир идеально и использовать это идеальное отражение для вполне материального отражения реальных угроз означает способность этой вещи какое-то — продолжительное или краткое — время существовать. И это правило универсально, то есть применимо как для мира живых, так и для мира неживых вещей. Следовательно, способность к отражению объединяет и вещи, и растения, и животных, и людей. И именно эта общность позволяет нам использовать, с учетом разъяснений М. Хайдеггера, термин «вещь» (по латыни — *res*) для обозначения любой относительно самостоятельной системы явлений.

Рассмотрим более подробно выраженную выше мысль, согласно которой отражение как универсальный атрибут бытия выражает себя через противоречивое единство материального и идеального. Внешне это противоречие предстаёт перед нами как противоречие между единичным и всеобщим, как противоречие между системой и средой ее обитания. Как можно видеть, об идеальном здесь пока речи нет. Но надо отдавать себе отчет в том, что это — всего лишь чувственно доступная, внешне являющаяся нам форма основного противоречия бытия. На самом деле, если с помощью разума суметь погрузиться к ее внутренней форме, то есть к ее сущности, то окажется, что это — противоречие между «эйдосом», «чтойностью», то есть специфической способностью (воз-

возможностью) вещи обладать своим особенным бытием в мире, и — воплощением, реализацией этой возможности. Иными словами, это и есть противоречие между материальным и идеальным.

Поясним сказанное на примере высшей из известных нам систем — социальной: человек по идее — это «*Homo sapiens*», человек разумный, но в настоящее время материальные условия способа его воспроизводства явно не способствуют воплощению этой идеи в действительность. В который раз противоречивое единство материального и идеального в человеке испытывается на прочность. Социальная система и ее «элементы» пребывают в сильнейшем напряжении и дискомфорте из-за всё возрастающего отчуждения их друг от друга. И перед мыслящими людьми возникает вопрос: способна ли и на этот раз социальная система найти достойный ответ на этот исторический вызов. Ясно лишь одно — то, что решение данного противоречия должно заключаться в сотворении гармонии между человеком и обществом, человеком и природой. Но вот реального пути созидания такой гармонии большинство людей пока либо не знает, либо даже знать не желает, уповая на то, что проблема каким-то образом решится сама собой.

Итак, мы выяснили, что быть — это значит постоянно развиваться, постоянно приводить в состояние гармонии распатавшиеся, распадающиеся отношения между идеей вещи и её материей. И при этом еще приходится выдерживать жесткий отбор на выживание, ибо всеобщим условием бытия является сохранение его наилучших, наиболее жизнеспособных форм. Вечное движение становления, вечное обновление. Лучше видеть, лучше понимать, — это значит: лучше отражать угрозу своему бытию. Именно об этом говорится в известной пословице: «Предупрежден, значит, — вооружен».

Нам представляется, что эта закономерность относится и к миру в целом. По крайней мере, именно в том и состоит подобие космоса и микрокосмоса, что только эти два суперсубъекта обладают свойством вечного движения становления, вечного обновления.

Таким образом, атрибутивное, то есть неотъемлемое от Субстанции, соотношение материального и идеального — это соотношения материального и идеального как неотделимых друг от друга форм отражения, а, значит, и форм бытия в целом (*Sein*) и бытия человека (*Dasein*).

Развитие чаще всего понимают как восхождение от низшего к высшему, от простого — к сложному, как восхождение, сопровождающееся вечным изменением (улучшением) качества. Да, конечно, указанные моменты присущи процессу развития, но схватывается ли ими то главное, что характеризует этот процесс?

Идеальное в каждой вещи — это должное. Но если в начале возникновения этой вещи это должное проявляет себя лишь как различной степени реальности возможность, то в финале развития, в зрелом состоянии этой вещи — это высшая форма осуществления данной возможности, разумно устроенная действительность.

Причем идеальное, как реализовавшийся (победивший в соревновании) эйдос, парадоксальным, казалось бы, образом вдруг становится телесным,

а следовательно, — доступным органам человеческих чувств, и мы можем видеть идеальной красоты женщину, идеальную реакцию спортсмена, идеально обтекаемое тело рыб и морских млекопитающих. Однако парадокс здесь кажущийся: ведь развитию в любой вещи подвергается не только идеальное в вещи, но одновременно и ее материальное. Одно способствует (а может и препятствовать и тогда — поражение) развитию другого. Отсюда следует, что два значения идеального (идеальное как нематериальное и идеальное как высшая степень совершенства) вовсе не чужды друг другу, а всего лишь обозначают исходную и конечную точки развития одного и того же (причем, — любого) предмета.

Таким образом, развиваться — это, изменяясь, все более и более становиться самим собою. Наш рассудок (как неотъемлемый момент разума) всегда пристально всматривается в проявляющиеся в процессе развития черты развивающегося, но остающегося тождественным самому себе предмета. Эту конкретизацию нашего знания можно сравнить с тем, как проясняются для нашего зрения черты знакомого нам человека, когда он приближается к нам издалека, или же из темноты и тумана. Вот какую важную характеристику развития многие забывают: оно и есть «вечное возвращение того же самого» (то, о чем не успел сказать Заратустра), происходящее в форме видимого феномена пронизывающей всё и вся «воли к власти». У нас есть основание согласиться с М. Хайдеггером, который категорически настаивал на логической первичности у Ницше идеи вечного возврата по отношению к идее воли к власти [4, 111–113]. Это согласие означает, что первая из этих идей носит сущностный характер, а вторая — феноменальный. И наоборот, мы не можем согласиться с пониманием развития Ф. Энгельсом [5, 276], выразив наше несогласие в восклицании: есть, обязательно должно быть в вечном развитии и устойчивое, и святое, и абсолютное!

Творческое наследие П. Тейяра де Шардена дает нам возможность принципиально по-новому, более конкретно, включиться в эстафету идей Спинозы, Лейбница, Гегеля, Хайдеггера и других философов, стремившихся обосновать глубинную функциональную укорененность идеального в логике и истории Бытия. Можно видеть, что этот выдающийся французский ученый и философ продолжает и развивает идею Лейбница о том, что телесность всех вещей оказывается неразрывно соединенной с восприятием ими окружающего мира, в большинстве случаев напоминающим некое примитивное, как бы дремлющее, но постепенно пробуждающееся сознание. Только, в отличие от монадологии Лейбница, в учении Тейяра де Шардена эта идея тесно связана с идеей эволюции — направленного развития от «свернутого», потенциального сознания неживого вещества (литосфера) через все более усложняющуюся реактивность живого (биосфера) — к человеческому сознанию, движущемуся к сфере разума (ноосфера) [6].

Тейяр, к сожалению, только описал, но не объяснил феномен «ортогенеза сознания», который, с нашей точки зрения, является феноменом роста и созревания идеального в недрах процесса развития материальных «форм движения».

Говоря таким образом, мы предпринимаем попытку найти источник такого развития именно в самом диалектическом взаимодействии материального и идеального. При этом взаимные поиски ими соответствия друг другу и порождают те главные формы движения материи, которые Тейяр условно назвал «литосферой», «биосферой» и «феноменом человека» (становящейся «ноосферой»). Каждой из этих трех форм движения материи присущ свой особенный, специфический тип монады, или «души»: в «литосфере» это непосредственное, «не расщепленное», не дифференцированное еще сосуществование материального и идеального; в «биосфере» — это информационный способ их взаимодействия, в «социосфере» — это единство чувственно-предметной и мыслительной деятельности.

И вот теперь мы должны понять одну очень важную мысль: поиски источника развития всего сущего не могут быть самоцелью философского анализа. Главное — это понять цель развития. Что же это остается самим собой, приближаясь к нам из темноты и тумана прошедшей истории развития? И тут нам хотелось бы отдать должное интуиции Анри Бергсона, провозгласившего, что теория познания и теория жизни нераздельны. Сейчас, через столетие после появления трудов А.Бергсона, осмысливая творческое наследие его учеников, мы можем сказать: да, это, действительно так, ибо эволюция природы ведет к возникновению все более совершенных, разумных существ и их систем, а развитие человеческого познания, сопровождаемое, к сожалению, трагическими отступлениями и «завихрениями», тем не менее неуклонно стремится к тому, чтобы процесс познания базировался на разуме, на теоретическом стиле мышления.

Человек совершенствует свое сознание (идеальную форму своей деятельности) для того, чтобы сделать его диалектически тождественным, адекватным материальной форме своей деятельности. При этом важно понять, что сказанное отнюдь не означает, что сознание человека должно быть служанкой любой деятельности, например, — деятельности бездуховной или же преимущественно потребительской. Философы так называемого постмодернизма совершают великий грех, отказываясь от категории истины, заявляя, что знание производится лишь для того, чтобы быть проданным, употребленным для обретения стоимости в новом продукте и, будучи обмененным в форме информационного товара, получить свою конечную цель в усилении производительной мощи [7, 144]. Чьей мощи, зачем она нужна? Нет ответа! Но нет и серьезного опровержения мысли Аристотеля, согласно которой «...философия называется знанием об истине» [1, 94].

Или вот другой подобный пример: современные футурологи высчитали, что уже в 2045 году (точность-то какова!) человек изменится материально и станет бессмертным. Но, спрашивается, в чем же смысл этой метаморфозы? В чем состоит идеальная задача таких изменений? К сожалению, такие вопросы сейчас «немодны», и ответа на них от авторов этих предсказаний мы также не дождемся. Представители современного вульгарного материализма полагают, что материя обладает способностью к саморазвитию, и задача науки состоит

лишь в том, чтобы констатировать и регистрировать стихийно проявляющие себя тенденции такого саморазвития. Но материя не может существовать без идеи. Сущность любой системы, в том числе и нового человека — это единство материального и идеального в ней. Налицо отсутствие теоретического взгляда на мир, ибо господствует принцип: вижу вещи и их соотношение и делаю «эмпирическое обобщение». А человеку для понимания направленности своего развития нужна не эмпирия, а теория. Теория же невозможна без понимания объективного смысла, объективной идеи наблюдаемых вещей и событий.

Прав был М. Хайдеггер, говоря о том, что современный человек забывает о Бытии. А забывать о нем нельзя. Надо слушать, слышать и слушаться Логоса Бытия. С тем, чтобы следовать ему и служить ему.

М. Мамардашвили утверждал, что постулируемая Э.Фроммом тенденция бегства человека от свободы имеет своим внутренним основанием бегство его от подлинного и глубокого мышления [8]. Все беды у нас, в отличие от животных, производны от уровня нашего мышления. Уже Блез Паскаль говорил об этом, подчеркивая, что человек, этот «мыслящий тростник», должен помнить, что вся сила его в высоком качестве и достоинстве его мышления.

Любая вещь (неживая, живая и мыслящая) должна исполнять закон Анаксимандра: оказывать чин и угоду окружающей природной среде, а значит — другим вещам.

Каждый человек как вершина эволюции вещей должен свое бесчинство сменить на постоянное оказывание «чина и угоды» по отношению а) к другой вещи и миру в целом, б) к другой жизни и биосфере в целом, в) к другой мысли (коллектив, соборность, ноосфера). При этом человек должен соблюдать закон единства материального и идеального во всех своих информационных отношениях. И в том числе — разобраться с культурой с точки зрения совершенства, «работоспособности» ее как информационной системы. Задача здесь в том, чтобы развивать способность человека подключаться к миру информации, осваивать ее и использовать для общего блага.

Все это и означает: соответствовать миру в котором мы живем, соответствовать Логосу. Для верующего человека сказанное приобретает форму заповеди: любить Бога и исполнять Его Волю. И это лишний раз свидетельствует о том, что философия и религия во многом учат человека одному и тому же, хотя каждая — по-своему.

Та закономерность, которую пытался обосновать А. Бергсон, ряд выдающихся слушателей его семинаров, состоявшихся в Сорбонне в 20-х годах прошлого столетия, воплотили в учение о ноосфере. Это были Э. Леруа, Тейяр де Шарден и В. И. Вернадский. Каждый из них, по-своему, но развивает одну и ту же идею: настоящее детерминируется будущим, а конкретно это звучит так — понимание развития как случайностного процесса — это дезориентирующее людей заблуждение. У человечества есть научно-обоснованная цель развития: это ноосфера, как высшая форма единства материального и идеального.

Призвании Человека как бытия (Dasein) заключается в его постоянном развитии. А это значит, что развиваться — это не только привилегия, право чело-

века, но и его Долг. Сущность человека свобода. Это значит, что в отличие от животных он сам проектирует свою жизнь. Однако, К.Маркс был прав, когда говорил о том, что вся прошедшая жизнь человека — это еще не история, а предыстория. Человек, планируя в мелочах, в целом развивается стихийно, хаотично, создавая войны, катастрофы, экономические кризисы.

Неужели нам не достаточно того, что нас окружают природные стихийные катаклизмы?! Неужели мы должны смириться с тем, что «финансовые пузыри» и прочие подобные «цунами» будут продолжать возникать в сфере деятельности человека?

Ноосфера — это не что-то заумное и, следовательно, непонятное. Ноосфера — это не что иное, как разумно устроенная сфера жизни и деятельности разумных людей. Это — система разумно-рационального управления отношениями между людьми и отношениями людей с природой.

Разумность не может существовать без планирования, теоретичность — без обоснованного предвидения. Навязываемый людям со стороны многих современных идеологов вывод о том, что социализм — это утопическая и даже преступная затея, что попыток создания социализма отныне и вовек быть не должно, — несостоятелен, ибо он фактически призывает отменить теорию и довольствоваться эмпиризмом, отменить порядок и увековечить хаос. Но хаос и стихийность — это явно не сфера бытия истинного Homo sapiens. Разве можно уповать на стихийное возникновение согласия между лебедем, раком и щукой, тянущим воз судьбоносных проблем человечества в разные стороны?

Да, мы должны признать, что эксперимент по созданию социализма был преждевременным и поэтому обреченным на неудачу, а метод его проведения и результат его во многом дискредитировали саму идею социализма. Не будем забывать и о том, что «экспериментаторам» серьезно мешали консервативные силы, заинтересованные в провале данного эксперимента.

Однако, как известно, время лечит и — не только забвением, но и новыми надеждами, основанными на радикальном изменении условий, некогда приведших к трагическим неудачам. Планирование — это единственно возможный способ реагирования на возникшее противоречие между любой бизнесберегающей идеей и материальными средствами ее реализации.

В чем же заключаются те новые условия, которые из неуклюжего и формального планирования, столь характерного для «старого социализма», способны создать для «нового социализма» планирование гибкое, содержательное, своевременно реагирующее на любое серьезное изменение в жизни общества? Во-первых, в появлении новейшей вычислительной и информационной техники [9]. Автор данной статьи думает, что в создании такой техники и состоит одно из важнейших исторических «призваний» капиталистического способа производства.

Во-вторых, — в появлении возможности осуществления мечты Платона о создании управляющей государственными делами элиты из высоко образованных, опытных, высоконравственных, преданных своему делу людей. Показательно, что и эта кадровая революция может совершиться только на той же

основе, что и процесс создания высококачественного планирования — на основе того, что уже имеется и продолжает совершенствоваться новейшая техника, обеспечивающая сущностное условие демократии: справедливые, прозрачные выборы руководящей элиты. И здесь ничего удивительного нет: именно новейшая техника — это и есть возможность долгожданного материального обеспечения идеи научного планирования важнейших сторон материального и духовного развития человека, а также — руководства как разумного регулирования отношений между людьми и между людьми и биосферой.

По глубокому убеждению автора статьи, — это и будет первым шагом перехода человечества в ноосферу — сферу разумного управления социумом со стороны разумно мыслящих людей.

Литература

1. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / Аристотель. — М. : Мысль, 1976. — 550 с.
2. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. Разговор на проселочной дороге / Мартин Хайдеггер. — М., 1991.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — М. : Прогресс, 1991. — 736 с.
4. Хайдеггер М. Ницше. В 2 т. Т. 1 / М. Хайдеггер. — СПб. : Владимир Даль, 2006.
5. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Изд. 2-е. — Т. 21.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пьер Тейяр де Шарден. — М. : Наука, 1987. — 240 с.
7. Марков Б. В. Философия : учеб. для вузов / Б. В. Марков. — СПб. : Питер, 2011. — 432 с.
8. Мамардашвили М. Лекции по античной философии / Мераб Мамардашвили М. — М. : Аграф, 2002 — 320 с.
9. Вассерман А. Новый социализм неизбежен [Электронный ресурс] / Анатолий Вассерман. — Режим доступа : http://aglob.info/articles.php?article_id=2929.

Аннотация

Ивакин А. А. Быть — это значит, постоянно изменяясь, все более становиться самим собою. — Статья.

Статья посвящена философскому доказательству того, что единство устойчивости и постоянного развития Мира в целом и каждой отдельной системы имеет своей причиной противоречивое единство материального и идеального. Целью же такого развития, обеспечивающего бытие Мира, является высшая форма единства материального и идеального — ноосфера, первой стадией которой может быть только «новый социализм» как разумное управление обществом разумными людьми.

Ключевые слова: философия, бытие, развитие, противоречие, материальное, идеальное, ноосфера, разум, социализм.

Анотація

Івакін О. А. Бути — це означає, постійно змінюючись, все більше поставати самим собою. — Стаття.

Статтю присвячено філософському доведенню того, що єдність сталості і постійного розвитку Світу в цілому і кожної його окремої системи має своєю причиною суперечливу єдність матеріального й ідеального. Метою ж такого розвитку, який забезпечує буття Світу, є вища форма єдності матеріального й ідеального — ноосфера, першою стадією якої може бути лише «новий соціалізм» як розумне управління суспільством з боку розумних людей.

Ключові слова: філософія, буття, розвиток, протиріччя, матеріальне, ідеальне, ноосфера, розум, соціалізм.

Summary

Ivakin A. A. To be — it means, constantly changing, to become more and more itself. — Article.

The article is devoted to philosophical proof of the fact that the unity of stability and continuous development of the World as a whole, and of each particular system of it has its reason in the contradictory unity of material and ideal. The purpose of this development which provides the existence of the World is the highest form of unity of material and ideal — the noosphere, the first stage of which may be only the «new socialism» as the rational management of society by reasonable people.

Keywords: philosophy, being, development, contradiction, material, ideal, noosphere, mind, socialism.

УДК 3.34.340

С. С. Кравченко

НЕВИЗНАЧЕНІСТЬ ЗАКОНУ І ТЕОРЕТИЧНІ ОСНОВИ ДІЯЛЬНОСТІ СУДДІ У ФІЛОСОФІЇ ПРАВОВОГО ПРАГМАТИЗМУ

До 1980 року з'явилася ціла плеяда теоретиків і практиків (серед них Р. М. Ангер, Д. Белл, М. Дж. Хорвіц, Д. Кеннеді, Р. Делгадо, М. Ташнет, А. Альтман) і велика література, що висвітлює ідеї руху критики правових досліджень (далі — КПД). Теоретичні філософські й правові проблеми, які розроблялися в рамках цього руху, включали дискусії про:

- a) співвідношення закону і політики;
- b) невизначеність і двозначність змісту текстів закону;
- c) закон, як інструмент, який виражає волю владних і фінансових структур;
- d) семантичну структуру закону — концептуальної і соціальної значимості бінарних опозицій і їхньої ролі в зміцненні ієрархічного, гендерного, расового і класового розшарування суспільства.

У сучасній Україні здійснюється ряд реформ, зокрема і судова. З огляду на це, вивчення теоретичного досвіду у сфері невизначеності закону і теоретичних основ діяльності судді у філософії правового прагматизму є актуальним.

Метою даного дослідження є вивчення теоретичних основ діяльності судді, а також проблем невизначеності закону у працях відомих філософів прагматизму та надання відповідних висновків щодо можливості використання їх напрацювань при реформуванні української судової системи.

Питань теоретичних основ діяльності судді у філософії правового прагматизму торкалось у своїх працях багато відомих українських та зарубіжних вчених, зокрема Р. Ангел, Г. Вдовина, Дж. Вільям, Т. Розова, М. Ташнет, М. Хорвіц та інші. Доволі цікавою у цій сфері є праця Т. Розової «Громадянське суспільство: історія та сучасність», у якій аналізується процес становлення громадянського суспільства в Америці та країнах Західної Європи, а також погляди філософів-прагматистів на місце судді у правовій системі.

Одна з головних ідей, що характеризують рух КПД, складається у твердженні, що закон і політика неподільні, інакше кажучи, закон є політикою і,